

Алексей
ТОЛСТОЙ

Князь Серебряный

Князь Серебряный // Эксмо, М., 2007

ISBN: 978-5-699-13907-1

FB2: "shum29", 20.11.2008, version 1.0

UUID: 92fe31f1-08f8-102c-8d0d-93418d0056af

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Алексей Константинович Толстой

**Душистые ветки акации
белой**

**Алексей Константинович
Толстой**

**Душистые ветки акации
белой. (Стихи)**

6 октября 1856 г., Петербург.

...Знаешь, – хотя это приятно и хорошо, но мне часто мешает легкость, с которой мне дается стихотворство; когда я что-нибудь пишу, у меня всегда складываются 3–4 редакции той же мысли, той же картины, и мне нужно было бы *свежее* ухо, чтобы выбрать одну из редакций той же самой вещи, – и чем больше мне нравится мысль или картина, тем более я ее меняю и исправляю, так что иногда *теряю* чутье суждения.

Сегодня с утра я уже переменял и изменял «Ветку акации» так много, что я уже не знаю, что надо оставить и что надо выбросить из разных вариаций, которые я написал; когда лист бумаги исписан и весь перечеркнут, я переписываю заново, начисто, и через несколько времени новый лист так же перемаран и перечеркнут, как первый...

...У меня есть еще несколько вещей, относящихся к Крыму, которые я начал во время нашего путешествия. Одни хорошие, другие слабые, но они все добавляют цельность картины, и оттого я не решаюсь их уничтожить...

КРЫМСКИЕ ОЧЕРКИ

1

*Над неприступной крутизною
Повис туманный небосклон;
Там гор зубчатою стеною
От юга север отделен.*

*Там ночь и снег; там, враг весе-
лья,
Седой зимы сердитый бог
Играет вьюгой и метелью,
Ярься, уста примкнул к ущелью*

*И воеет в их гранитный рог.
Но здесь благоухают розы,
Бессильно вихрем снеговым
Сюда он шлет свои угрозы,
Цветущий берег невредим.*

*Над ним весна младая веет,
И лавр, Дианою храним,
В лучах полудня зеленеет
Над морем вечно голубым.*

2

Клонит к лени полдень жгучий.

*Замер в листьях каждый звук,
В розе пышной и пахучей,
Нежась, спит блестящий жук;*

*А из камней вытекая,
Однозвучен и гремуч,
Говорит, не умолкая,
И поет нагорный ключ.*

3

*Всесильной волею Аллаха,
Дающего нам зной и снег,
Мы возвратились с Чатырдаха
Благополучно на ночлег.*

*Все налицо, все без увечья:
Что значит ловкость человечья!
А признаюсь, когда мы там
Ползли, как мухи, по скалам,*

*То мне немного было жутко:
Сорваться вниз плохая шутка!
Гуссейн, послушай, помоги
Стащить мне эти сапоги,*

*Они потрескались от жара;
Да что ж не видно самовара?
Сходи за ним; а ты, Али,*

Костер скорее запали.

*Постелим скатерти у моря,
Достанем ром, заварим чай,
И все возляжем на просторе
Смотреть, как пламя, с ночью
споря,
Померкнет, вспыхнет невзначай*

*И озарит до половины
Дубов зеленые вершины,
Песчаный берег, водопад,
Крутых утесов грозный ряд,*

*От пены белый и ревущий
Из мрака выбежавший вал
И перепутанного плюща
Концы, висящие со скал.*

4

*Ты помнишь ли вечер, как море
шумело,
В шиповнике пел соловей,
Душистые ветки акации белой
Качались на шляпе твоей?*

*Меж камней, обросших густым
виноградом,*

Дорога была так узка;
В молчанье над морем мы ехали
рядом,
С рукою сходилась рука.

Ты так на седле нагибалась краси-
во,
Ты алый шиповник рвала,
Буланой лошадки косматую гриву
С любовью ты им убрала;

Одежды твоей непослушные
складки
Цеплялись за ветви, а ты
Беспечно смеялась – цветы на ло-
шадке,
В руках и на шляпе цветы!

Ты помнишь ли рев дождевого по-
тока
И пену и брызги кругом;
И как наше горе казалось далёко,
И как мы забыли о нем!

5

Вы всё любуетесь на скалы,
Одна природа вас манит,
И возмущает вас немало

Мой деревенский аппетит.

*Но взгляд мой здесь иного рода,
Во мне лицепрятья нет;
Ужели вишни не природа
И тот, кто ест их, не поэт?*

*Нет, нет, названия вандала
От вас никак я не приму:
И Ифигения едала,
Когда она была в Крыму!*

6

*Туман встает на дне стремнин,
Среди полуночной прохлады
Сильнее пахнет дикий тмин,
Гремят слышнее водопады.*

*Как ослепительна луна!
Как гор очерчены вершины!
В серебристом сумраке видна
Внизу Байдарская долина.*

*Над нами светят небеса,
Чернеет бездна перед нами,
Дрожит блестящая роса
На листьях крупными слезами...*

Душе легко. Не слышу я
Оков земного бытия,
Нет места страху, ни надежде, —
Что будет впредь, что было
прежде

Мне все равно – и что меня
Всегда как цепь к земле тянуло,
Исчезло все с тревогой дня,
Все в лунном блеске потонуло...

Куда же мысль унесена?
Что ей так видится дремливо?
Не средь волшебного ли сна
Мы едем вместе вдоль обрыва?

Ты ль это, робости полна,
Ко мне склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во сне,
Как звезды блещут в вышине,

Как конь ступает осторожно,
Как дышит грудь твоя тревожно?

Иль при обманчивой луне
Меня лишь дразнит призрак лож-
ный

*И это сон? О, если б мне
Проснуться было невозможно!*

7

*Как чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты:
Моря синего заливы,
Лавры, скалы и цветы!*

*Но мешают мне немножко
Жизнью жить среди этих стран:
Скорпион, сороконожка
И фигуры англичан.*

8

*Обычной полная печали,
Тыходишь в этот бедный дом,
Который ядра осыпали
Недавно пламенным дождем;*

*Но юный плющ, вясь вокруг зда-
нья,
Покрыв следы вражды и зла —
Ужель еще твои страданья
Моя любовь не обвила?*

9

Приветствую тебя, опустошен-

ный дом,
Завядшие дубы, лежащие кругом,
И море синее, и вас, крутые скалы,
И пышный прежде сад – глухой и
одичалый!

Усталым путникам в палящий
летний день
Еще даешь ты, дом, свежитель-
ную тень,
Еще стоят твои поруганные сте-
ны,
Но сколько горестной я вижу пе-
ремены!

Едва лишь я вступил под твой
знакомый кров,
Бросаются в глаза мне надписи
врагов,
Рисунки грубые и шутки площад-
ные,
Где с наглым торжеством поно-
сится Россия;

Всё те же громкие, хвастливые
слова
Нечестное врагов оправдывают
дело.

Вздыхнув, иду вперед; мохнатая
сова
Бесшумно с зеркала разбитого
слетела;

Вот в угол бросилась испуганная
мышь...
Везде обломки, прах; куда ни по-
глядишь,
Везде насилие, насмешки и угрозы;
А из сада в окно вползающие розы,

За мраморный карниз цепляясь
там и тут,
Беспечно в красоте раскидистой
цветут,
Как будто на дела враждебного
народа
Набросить свой покров старает-
ся природа,

Вот ящерица здесь меж зелени и
плит,
Блестя как изумруд, извилисто
скользит,
И любо ей играть в молчании мо-
гильном,
Где на пол солнца луч столбом

ударил пыльным...

Но вот уж сумерки; вот постепенно
мгла

На берег, на залив, на скалы налег-
ла;

Все больше в небе звезд, в аллеях
все темнее,

Душистее цветы, и запах трав
сильнее;

На сломанном крыльце сижу я,
полон дум;

Как тихо все кругом, как слышен
моря шум...

10

Тяжел наш путь, твой бедный
мул

Устал топтать терновник злоб-
ный;

Взгляни наверх: то не аул,
Гнезду орлиному подобный;

То целый город; смолкнул гул
Народных празднеств и торговли,
И ветер тления подул
На Богом проклятые кровли.

Во дни глубокой старины
(Гласят народные скрижали),
Во дни неволи и печали,
Сюда Израиля сыны

От ига чуждого бежали,
И град возник на высях гор.
Забыв отцов своих позор
И горький плен Ерусалима,

Здесь мирно жили караимы;
Но ждал их давний приговор,
И пала тяжесть божья гнева
На ветвь караемого древа.

И город вымер. Здесь и там
Остатки башен по стенам,
Кривые улицы, кладбища,
Пещеры, рытые в скалах,

Давно безлюдные жилища,
Обломки, камни, пыль и прах,
Где взор отрады не находит;

Две-три семьи как тени бродят
Средь голых стен; но дороги
Для них родные очаги,
И храм отцов, от моха черный,

*Над коим плавные круги,
Паря, чертит орел нагорный...*

11

*Где светлый ключ, спускаясь вниз,
По серым камням точит слезы,
Ползут на черный кипарис
Гроздами пурпурные розы.*

*Сюда когда-то, в жгучий зной,
Под темнолиственные лавры,
Бежали львы на водопой
И буро-пегие кентавры;*

*С козлом бодался здесь сатир;
Вакханки с криками и смехом
Свершали виноградный пир,
И хор тимпанов, флейт и лир*

*Сливался шумно с дальним эхом.
На той скале Дианы храм
Хранила девственная жрица,
А здесь над морем по ночам
Плыла богини колесница...*

*Но уж не та теперь пора;
Где был заветный лес Дианы,
Там слышны звуки топора,*

Грохочут вражьи барабаны;

*И все прошло; нигде следа
Не видно Греции счастливой,
Без тайны лес, без плясок нивы,
Без песней пестрые стада
Пасет татарин молчаливый...*

12

*Солнце жжет; перед грозой
Изменился моря вид:
Засверкал меж бирюзой
Изумруд и малахит.*

*Здесь на камне буду ждать я,
Как, вздымая корабли,
Море бросится в объятия
Изнывающей земли,*

*И, покрытый пеной белой,
Утомясь, влюбленный бог
Снова ляжет, онемелый,
У твоих, Таврида, ног.*

13

*Смотри, все ближе с двух сторон
Нас обнимает лес дремучий;
Глубоким мраком полон он,*

Как будто набежали тучи,

Иль меж деревьев вековых
Нас ночь безвременно застигла,
Лишь солнце сыплет через них
Местами огненные иглы.

Зубчатый клен, и гладкий бук,
И твердый граб, и дуб корнистый
Вторят подков железный звук
Средь гама птичьего и свиста;

И ходит трепетная смесь
Полутеней в прохладе мглистой,
И чует грудь, как воздух весь
Пропитан сыростью душистой.

Вон там украдкой слабый луч
Скользит по липе, мхом одетой,
И дятла стук, и близко где-то
Журчит в траве незримый ключ...

14

Привал. Дымяся, огонек
Трещит под таганом дорожным,
Пасутся кони, и далек
Весь мир с его волненьем лож-
ным.

Здесь долго б я с тобою мог
Мечтать о счастье возможном!
Но, очи грустно опустив
И наклонясь над крутизною,

Ты молча смотришь на залив,
Окружена зеленой мглою...
Скажи, о чем твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,

Что счастье, как морская даль,
Бежит от нас неуловимо?
Нет, не догнать его уж нам,
Но в жизни есть еще отрады;

Не для тебя ли по скалам
Бегут и брызжут водопады?
Не для тебя ль в ночной тени
Вчера цветы благоухали?

Из синих волн не для тебя ли
Восходят солнечные дни?
А этот вечер? О, взгляни,
Какое мирное сиянье!

Не слышно в листьях трепета-
нья,
Недвижно море; корабли,

Как точки белые вдали,
Едва скользят, в пространстве
тая;

Какая тишина святая Царит кру-
гом!
Нисходит к нам
Как бы предчувствие чего-то;

В ущельях ночь; в тумане там
Дымится сизое болото,
И все обрывы по краям
Горят вечерней позолотой...

Лето 1856–1858

* * *

Как здесь хорошо и приятно,
Как запах дерев я люблю!
Орешника лист ароматный
Тебе я в тени настелю.

Я там, у подножья аула,
Тебе шелковицы нарву,
А лошадь и бурого мула
Мы пустим в густую траву.

Ты здесь у фонтана приляжешь,
Пока не минуется зной,

Ты мне улыбнешься и скажешь,
Что ты не устала со мной.

Лето 1856

* * *

Растянулся на просторе
И на сонных берегах,
Окунувши морду в море,
Косо смотрит Аюдаг [1].

Обогнуть его мне надо,
Но холмов волнистый рой,
Как разбросанное стадо,
Все толпится предо мной.

Добрый конь мой, долго шел ты,
Терпеливо ношу нес;
Видишь там лилово-желтый,
Солнцем тронутый утес?

Добрый конь мой, ободрися,
Ускори ленивый бег,
Там под сенью кипариса
Ждет нас ужин и ночлег!

Вот уж час, как в ожиданье
Конь удваивает шаг,
Но на прежнем расстоянье Косо

смотрит Аюдаг.

*Тучи море затянули,
Звезды блещут в небесах,
Но не знаю, обогну ли
Я до утра Аюдаг?*

Лето 1856

* * *

*Войдем сюда; здесь меж руин
Живет знакомый мне раввин;
Во дни прошедшие, бывало,
Видал я часто старика;*

*Для поздних лет он бодр немало,
И перелистывать рука
Старинных хартий не устала.
Когда вдали ревут валы*

*И дикий кот, мяуча, бродит,
Талмуда враг и Каббалы,
Всю ночь в молитве он проводит;
Душистей нет его вина,*

*Его улыбка добродушна,
И, слышал я, его жена
Тиха, прекрасна и послушна;
Но недоверчив и ревнив*

Седой раввин...

*Он примет странников радушно,
Но не покажет им супруг
Своей чудесной половины
Ни за янтарь, ни за жемчуг,
Ни за звенящие цехины!*

Лето 1856

* * *

*Если б я был богом океана,
Я б к ногам твоим принес, о друг,
Все богатства царственного са-
на,
Все мои кораллы и жемчуг!*

*Из морского сделал бы тюльпана
Я ладью тебе, моя краса;
Мачты были б розами убраны,
Из чудесной ткани паруса!*

*Если б я был богом океана,
Я б любил тебя, моя душа;
Я б любил без бури, без обмана,
Я б носил тебя, едва дыша!*

*Но беда тому, кто захотел бы
Разлучить меня с тобою, друг!*

*Всклокотал бы я и закипел бы!
Все валы свои погнал бы вдруг!*

*В реве бури, в свисте урагана
Враг узнал бы бога океана!
Всюду, всюду б я его сыскал!
Со степеней сорвал бы я курганы!*

*Доплеснул волной до синих скал,
Чтоб добыть тебя, моя циана,
Если б я был богом океана!*

Лето 1856

* * *

*Что за грустная обитель
И какой знакомый вид!
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит;*

*Стукнет вправо, стукнет влево,
Будит мыслей длинный ряд,
В нем рассказы и напевы
Затверженные звучат.*

*А в подсвечнике пылает
Догоревшая свеча;
Где-то пес далеко лает,
Ходит маятник, стуча;*

Стукнет влево, стукнет вправо,
Все твердит о старине;
Грустно так; не знаю, право,
Наяву я иль во сне?

Вот уж лошади готовы —
Сел в кибитку и скачу, —
Полно, так ли? Вижу снова
Ту же сальную свечу,

Ту же грустную обитель,
И кругом знакомый вид,
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит...

Лето 1856

* * *

Не верь мне, друг, когда, в избыт-
ке горя,
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти
полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом
волны

Издаലെка к любимым берегам!

Лето 1856

* * *

*Остроу секирой ранена береза,
По коре сребристой покатились
слезы;*

*Ты не плачь, береза, бедная, не се-
туй!
Рана не смертельна, вылечится к
лету,
Будешь красоваться, листьями
убрана...*

*Лишь больное сердце не залечит
раны!*

Лето 1856

* * *

*Усни, печальный друг, уже с грядущей
тьмой
Вечерний алый свет сливается все
боле;
Блеящие стада вернулись домой,
И улеглася пыль на опустелом по-
ле.*

Да снидет ангел сна, прекрасен и
крылат,
И да перенесет тебя он в жизнь
иную!
Издавна был он мне в печали друг
и брат,
Усни, мое дитя, к нему я не рев-
ную!

На раны сердца он забвение про-
льет,
Пытливую тоску от разума оты-
мет
И с горестной души на ней лежа-
щий гнет
До нового утра незримо приподы-
мет.

Томимая весь день душевною
борьбой,
От взоров и речей враждебных ты
устала,
Усни, мое дитя, меж ними и то-
бой
Он благостной рукой опустит по-
крывало!

Август 1856

* * *

Да, братцы, это так, я не под па-
ру вам,
То я весь в солнце, то в тумане,
Веселость у меня с печалью попо-
лам,
Как золото на черной ткани.

Вам весело, друзья, пируйте ж в
добрый час,
Не враг я песням и потехам,
Но дайте погрустить, и, может
быть, я вас.
Еще опережу неудержимым сме-
хом!

Август 1856

* * *

Когда кругом безмолвен лес дре-
мучий
И вечер тих;
Когда невольно просится невучий
Из сердца стих;
Когда упрек мне шепчет шелест
нивы
Иль шум дерев;
Когда кипит во мне нетерпеливо
Правдивый гнев;
Когда вся жизнь моя покрыта

тьмою
Тяжелых туч;
Когда вдали мелькнет передо
мною
Надежды луч;
Средь суеты мирского развлече-
нья,
Среди забот,
Моя душа в надежде и в сомненье
Тебя зовет;
И трудно мне умом понять раз-
луку,
Ты так близка,
И хочет сжать твою родную руку
Моя рука!

Август или сентябрь 1856

* * *

Сердце, сильней разгораясь от го-
ду до году,
Брошено в светскую жизнь, как в
студеную воду.
В ней, как железо в раскале, оно
закипело:
Сделала, жизнь, ты со мною
недоброе дело!

Буду кипеть, негодую, тоской и пе-

чалью,
Все же не стану блестящей хо-
лодной сталью!

Август или сентябрь 1856

* * *

В стране лучей, незримой нашим
взорам,
Вокруг миров вращаются миры;
Там сонмы душ возносят строй-
ным хором
Своих молитв немолчные дары;

Блаженством там сияющие лики
Отвращены от мира суеты,
Не слышны им земной печали
клики,
Не видны им земные нищеты;

Все, что они желали и любили,
Все, что к земле привязывало их,
Все на земле осталось горстью
пыли,
А в небе нет ни близких, ни род-
ных.

Но ты, о друг, лишь только звуки
рая

Как дальний зов в твою проник-
нут грудь,
Ты обо мне подумай, умирая,
И хоть на миг блаженство поза-
будь!

Прощальный взор бросая нашей
жизни,
Душою, друг, взглядишь в мои чер-
ты,
Чтобы узнать в заоблачной от-
чизне
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не мог моей молящей речи
Небесный хор навеки заглушить,
Чтобы тебе, до нашей новой
встречи,
В стране лучей и помнить и гру-
стить!

Август или сентябрь 1856

* * *

Лишь только один я останусь с
собою,
Меня голоса призывают толпою.
Которому ж голосу отповедь
дам?

В сомнении рвется душа пополам.

*Советов, угроз, обещаний так
много,
Но где же прямая, святая дорога?
С мучительной думой стою на пу-
ти —
Не знаю, направо ль, налево ль ид-
ти?*

*Махни уж рукой да иди, не робея,
На голос, который всех манит
сильнее,
Который немолчно, вблизи, вда-
леке,
С тобой говорит на родном язы-
ке!*

Август или сентябрь 1856

* * *

«...» Алексей Толстой верил в предсуществование искусства. Мир предстоял ему как художественное произведение, которое чуткие поэты и музыканты выявляют, подобно тому как «над пламенем грамоты тайной бесцветные строки вдруг выступают». Мир талантлив. Он звучит музыкой, переливается красками, в нем реют слова, и это он нашеп-

тывает темы для земных творцов. Когда Бетховен слагал свой марш похоронный, он не из себя брал «этот ряд раздирающих сердце аккордов, плач неутешной души над погибшей великою мыслью, рушение светлых миров в безнадежную бездну хаоса», -

*Нет, эти звуки рыдали всегда в
беспредельном пространстве,
Он же, глухой для земли, незем-
ные подслушал рыдания.
Много в пространстве невидимых
форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нем есть соче-
таний и слова и света.*

Если так, то в искусстве – истина, и красота не украшение, а сама сущность бытия, его имманентная природа; если так, икона, образ – это благодатная необходимость, которой всякий раз и поклоняется «наш мир удивленный». Толстой больше всего привлекателен той способностью удивления перед мировой и человеческой иконой, в особенности если она – старинная, издавна чтимая, если она напоминает изысканные, выцветшие тона гобелена, как прекрасные терцины его «Дракона».

Тщетно, художник, ты мнишь,
что творений своих ты созда-
тель!

Вечно носились они над землею,
незримые оку.

Нет, то не Фидий воздвиг олим-
пийского славного Зевса!

Фидий ли выдумал это чело, эту
львиную гриву,
Ласковый, царственный взор из-
под мрака бровей
громоносных?

Нет, то не Гёте великого Фауста
создал, который,
В древнегерманской одежде, но в
правде глубокой,
вселенской,
С образом сходен предвечным сво-
им от слова до слова.

Или Бетховен, когда находил он
свой марш похоронный,
Брал из себя этот ряд раздираю-
щих сердце аккордов,
Плач неутешной души над погиб-

шей великою мыслью,
Рушенье светлых миров в безна-
дежную бездну хаоса?

Нет, эти звуки рыдали всегда в
беспредельном пространстве,
Он же, глухой для земли, незем-
ные подслушал рыданья.

Много в пространстве невидимых
форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нем есть соче-
таний и слова и света,
Но передаст их лишь тот, кто
умеет и видеть и слышать,
Кто, уловив лишь рисунка черту,
лишь созвучье, лишь слово,
Целое с ним вовлекает создание в
наш мир удивленный.

О, окружи себя мраком, поэт,
окружися молчаньем,
Будь одинок и слеп, как Гомер, и
глух, как Бетховен,
Слух же душевный сильнее напря-
гай и душевное зренье,
И как над пламенем грамоты
тайной бесцветные строки

Вдруг выступают, так выступают
вдруг пред тобою картины,
Выйдут из мрака всё ярче цвета,
осязательней формы,
Стройные слов сочетания в яс-
ном сплетутся значенье...

Ты ж в этот миг и внимай, и гля-
ди, притаивши дыханье,
И, создавая потом, мимолетное
помни виденье!

Октябрь 1856

* * *

Что ты голову склонила?
Ты полна ли тихой ленью?
Иль грустишь о том, что было?
Иль под виноградной сенью

Начертания сквозные
Разгадать хотела б ты,
Что на землю вырезные
Сверху бросили листы?

Но дрожащего узора
Нам значенье непонятно —
Что придет, узнаешь скоро,
Что прошло, то невозвратно!

Час полуденный палящий,
Полный жизни огневой,
Час веселый настоящий,
Этот час один лишь твой!

Не клони ж печально взора
На рисунок непонятный —
Что придет, узнаешь скоро,
Что прошло, то невозвратно!

Ноябрь 1856

Б. М. МАРКЕВИЧУ

Ты прав; мой своенравный гений
Слетал лишь изредка ко мне;
Таясь в душевной глубине,
Дремала буря песнопений;

Меня ласкали сон и лень,
Но, цепь житейскую почуя,
Воспрянул я; и, негодую,
Стихи текут. Так в бурный день,

Прорезав тучи, луч заката
Сугубит блеск своих огней,
И так река, скалами сжата,
Бежит сердитей и звучней!

Осень 1856

И у меня был край родной ко-
гда-то;
Со всех сторон
Синела степь; на ней белели ха-
ты —
Все это сон!
Я помню дом и пестрые узоры
Вокруг окон,
Под тенью лип душистых разгово-
ры —
Все это сон!
Я там мечтою чистой, безмя-
тежной
Был озарен,
Я был любим так искренно, так
нежно —
Все это сон!
И думал я: на смерть за край ро-
димый
Я обречен!
Но гром умолк; гроза промчалась
мимо —
Все было сон!
Летучий ветер, неси ж родному
краю,
Неси поклон;
В чужбине век я праздно дожи-

ваю —
Все было сон!

1856

* * *

Господь, меня готовя к бою,
Любовь и гнев вложил мне в грудь,
И мне десницею святою
Он указал правдивый путь;

Одушевил могучим словом,
Вдохнул мне в сердце много сил,
Но непреклонным и суровым
Меня Господь не сотворил.

И гнев я свой истратил даром,
Любовь не выдержал свою,
Удар напрасно за ударом
Я отбивая устаю.

Навстречу их враждебной вьюги
Я вышел в поле без кольчуги
И гибну, раненный в бою.

1857

* * *

Порой, среди забот и жизненного
шума,

Внезапно набежит мучительная
дума
И гонит образ твой из горестной
души.

Но только лишь один останусь я
в тиши
И суетного дня минует гул тре-
вожный,
Смирятся во мне волнение жиз-
ни ложной,
Душа, как озеро, прозрачна и
сквозна,
И взор я погрузить в нее могу до
дна;

Спокойно мыслю, ничем не воз-
мутимой,
Твой отражаю лик желанный и
любимый
И ясно вижу глубь, где, как бле-
стящий клад,
Любви моей к тебе сокровища ле-
жат.

1857

* * *

Не Божиим громом горе ударило,

Не тяжелой скалой навалилося;
Собиралось оно малыми тучка-
ми,
Затянули тучки небо ясное,
Посеяло горе мелким дождичком,
Мелким дождичком осенним.

А и сеет оно давным-давно,
И сечет оно без умолку,
Без умолку, без усталости,
Без конца сечет, без отдыха;

Проняло насквозь добра молодца,
Проняло дрожью холодною,
Лихорадкою, лихоманкою,
Сном-дремотою, зевотою.

– Уже полно, горе, дуб ломать по
пруткам,
Щипати по листикам!
А и бывало же другим счастье:
Налетало горе вихрем-бурею,
Ворочало горе дубы с корнем вон!

1857

* * *

Ой, честь ли то молодцу лен пря-
сти?

А и хвала ли боярину кичку носить?
Воеводе по воду ходить?
Гусляру-певуну во приказе сидеть?
Во приказе сидеть, потолок коптить?
Ой, коня б ему! гусли б звонкие!
Ой, в луга б ему, во зеленый бор!
Через реченьку да в темный сад,
Где соловушка на черемушке
Целу ноченьку напролет поет!

1857

* * *

Ты неведомое, незнамое,
Без виду, без образа,
Без имени-прозвища!
Полно гнуть меня ко сырой земле,
Донимать меня, добра молодца!

Как с утра-то встану здоровёшенек,
Здоровёшенек, кажись, гору сдвинул бы,
А к полудню уже руки опускаются,
Ноги словно ко земле приросли.

*А подходит оно без оклика,
Меж хотенья и дела втирается,
Говорит: «Не спеши, добрый молодец,
Еще много впереди времени!»*

*И субботу называет пятницей,
Фомину неделю светлым праздником.*

*Я пушусь ли в путь-дороженьку,
Ан оно повело проселками,
На полпути корчмой выросло;*

*Я за дело примусь, ан оно мухою
Перед носом снует, извивается;
А потом тебе же насмехается:
«Ой, удал, силен, добрый молодец!»*

*Еще много ли на боку полёжано?
Силы-удали понакоплено?
Отговорок-то понахожено?*

*А и много ли богатырских дел,
На печи сидючи, понадумано?
Вахлаками других поругано?
Себе спину почёсано?»*

Он водил по струнам; упали
Волоса на безумные очи,
Звуки скрипки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.

В них рассказ убедительно-лживый
Развивал невозможную повесть,
И змеиного цвета отливы
Соблазняли и мучили совесть;

Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья,

И в туманных волнах рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной,

И так билось сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно,

И к себе беспощадная бездна

Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула;

Звуки пели, дрожали так звонко,
Замирали и пели сначала,
Беглым пламенем синяя жженка
Музыканта лицо освещала...

Начало 1857

* * *

Уж ласточки, кружась, над кры-
шей щебетали,
Красуясь, идет нарядная весна:
Порою входит так в дом скорби и
печали
В цветах красавица, надменна и
пышна.

Как праздничный мне лик весны
теперь несносен!
Как грустен без тебя дерев зеле-
ных вид!
И мыслю я: когда ж на них повеет
осень
И, сыпя желтый лист, нас вновь
соединит!

Весна 1857

* * *

Дерево мое миндальное
Все цветами убирается,
В сердце думушка печальная
Поневоле зарождается:

Дерево цветы обронят,
И созреет плод непрошенный,
И зеленое наклонится
До земли под горькой ношею!

1857 или 1858

* * *

Мой строгий друг, имей терпенье
И не брани меня так зло;
Не вдруг приходит вдохновенье,
Земное бремя тяжело;

Простора нет орлиным взмахам;
Как Этны темное жерло,
Моя душа покрыта прахом.
Но в глубине уж смутный шум,
И кратер делается тесен.

Для раскалившихся в нем дум,
Для разгорающихся песен.

Пожди еще, и грянет гром,
И за клубится дым кудрявый,
И пламя, вырвавшись снопом,
Польется вниз звенящей лавой.

1857 или 1858

* * *

Двух станов не боец, но только
гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой
добрый меч,
Но спор с обоими досель мой жре-
бий тайный,
И к клятве ни один не мог меня
привлечь;

Союза полного не будет между
нами —
Не купленный никем, под чье б ни
стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей
не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы
честь!

1858

* * *

Как селянин, когда грозят

Войны тяжелые удары,
В дремучий лес несет свой клад
От нападения и пожара,
И там во мрачной тишине
Глубоко в землю зарывает,
И на чешуйчатой сосне
Свой знак с заклятьем зарубает,
Так ты, певец, в лихие дни,
Во дни гоненья рокового,
Под темной речью хорони
Свое пророческое слово.

1858

* * *

Запад гаснет в дали бледно-розо-
вой,
Звезды небо усеяли чистое,
Соловей свищет в роще березовой,
И травую запахло душистою.

Знаю, что к тебе в думушку вкра-
лося,
Знаю сердца немолчные жалобы,
Не хочу я, чтоб ты притворялася
И к улыбке себя принуждала бы!

Твое сердце болит безотрадное,
В нем не светит звезда ни еди-

ная —
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока песня звучит соловьиная,

Соловьиная песня унылая,
Что как жалоба катится слез-
ная,
Плачь, душа моя, плачь, моя ми-
лая,
Тебя небо лишь слушает звездное!

1858

* * *

Ты почто, злая кручинушка,
Не вконец извела меня, бедную,
Разорвала лишь душу надвое?
Не сойтися утру с вечером,
Не ужиться двум добрым молод-
цам;

Из-за меня они ссорятся,
А и оба меня корят, бранят.
Уж как станет меня брат ко-
рить:
«Ты почто пошла за боярина?
Напросилась в родню неровную?»

Отщепенница, переметчица,

От своей родни отступница!»
«Государь ты мой, милый братец
мой,
Я в родню к ним не напрашива-
лась,
И ты сам меня уговаривал,
Снаряжал меня, выдавал меня!»
Уж как станет меня муж ко-
рить:
«Из какого ты роду-племени?
Еще много ли за тобой придано-
го?»

Еще чем меня опоила ты,
Приговорщица, приворотница,
Меня с нашими разлучница?»

«Государь ты мой, господин ты
мой,
Я тебя не приворачивала,
И ты взял меня вольной волею,
А приданого за мной немного
есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебе, сударь, поклонная!»

Перекинулся хмель через речень-
ку,

*С одного дуба на другой дуб,
И качается меж обоими,
Над быстрой водой зеленеючи,
Злой кручинушки не знаячи,
Оба дерева обнимаючи.*

1858

* * *

*Рассевается, расступается
Грусть под думами под могучи-
ми,
В душу темную пробивается
Словно солнышко между тучами!*

*Ой ли, молодец? Не расступится,
Не рассеется ночь осенняя,
Скоро сведаешь, чем искупится
Непоказанный миг веселия!*

*Прикачнулась, привалилася
К сердцу сызнава грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Бесталанная, горемычная...*

1858

* * *

*Что ни день, как поломя со вла-
гой,*

Так унынье борется с отвагой,
Жизнь бежит то круто, то отло-
го,
Вьется вдаль неровною дорогой,
От беспечной удали к заботам
Переходит пестрым переплетом,
Думы ткут то в солнце, то в ту-
мане
Золотой узор на темной ткани.

1858

* * *

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив,

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

1858

Осень. Обсыпается весь наш бед-
 ный сад,
 Листья пожелтелые по ветру ле-
 тят;
 Лишь вдали красуются, там на
 дне долин,
 Кисти ярко-красные вянущих ря-
 бин.

Весело и горестно сердцу моему,
 Молча твои рученьки грею я и
 жму
 В очи тебе глядячи, молча слезы
 лью,
 Не умею высказать, как тебя
 люблю.

1858

Источник за вишневым садом,
 Следы голых девичьих ног.
 И тут же оттиснулся рядом
 Гвоздями подбитый сапог.

Все тихо на месте их встречи,
 Но чует ревниво мой ум

*И шепот, и страстные речи,
И ведер расплесканных шум...*

1858

* * *

*О друг, ты жизнь влачишь, без
пользы увядая,
Пригнутая к земле, как тополь
молодая;
Поблекла свежая ветвей твоих
краса,
И листья кроет пыль и дольная
роса.*

*О, долго ль быть тебе печальной
и согнутой?
Смотри, пришла весна, твои не
крепки пути,
Воспрянь и подымись трепещу-
щим столбом,
Вершиною шумя в эфире голубом!*

1858

* * *

*В совести искал я долго обвине-
нья,
Горестное сердце вопрошал до-
вольно —*

Чисты мои мысли, чисты побуж-
дения,
А на свете жить мне тяжело и
больно.

Каждый звук случайный я ловлю
пытливо,
Песня ли раздастся на селе дале-
ком,
Ветер ли всколыхнет золотую ни-
ву —
Каждый звук неясным мне звучит
упреком.

Залегло глубоко смутное сомне-
нье,
И душа собою вечно недовольна:
Нет ей приговора, нет ей прими-
ренья,
И на свете жить мне тяжело и
больно!

Согласить я силюсь, что несогла-
симо,
Но напрасно разум бьется и хло-
почет,
Горестная чаша не проходит ми-
мо,

*Ни к устам зовущим низойти не
хочет!*

1858

* * *

*Минула страсть, и пыл ее тре-
вожный
Уже не мучит сердца моего,
Но разлюбить тебя мне невоз-
можно,
Все, что не ты, – так суетно и
ложно,
Все, что не ты, – бесцветно и
мертво.*

*Без повода и права негодую,
Уж не кипит бунтующая кровь,
Но с пошлой жизнью слиться не
могу я,
Моя любовь, о друг, и не ревную,
Осталась та же прежняя любовь.*

*Так от высот нахмуренной приро-
ды,
С нависших скал сорвавшийся по-
ток
Из царства туч, грозы и непогоды
В простор степей выносит те же*

воды
И вдаль течет, спокоен и глубок.

1858

* * *

Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве
утопает
И в неге врозь ее расходятся лучи.

Но в скромный, тихий день, осеннею
погодой,
Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой,
И немощен ее на жизнь мою напор.

Мой трезвый ум открыт для
сильных вдохновений,
Сосредоточен я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовет толпы
видений,
Как зажигаемым рождая их

стеклом.

Винтовку сняв с гвоздя, я остав-
ляю дом,
Иду меж озимей чернеющей доро-
гой;
Смотрю на кучу скирд, на сло-
маный забор,
На пруд и мельницу, на дикий ко-
согор,

На берег ручейка болотисто-от-
логий,
И в ближний лес вхожу. Там по-
красневший клен,
Еще зеленый дуб и желтые березы
Печально на меня свои стряхают
слезы;

Но дале я иду, в мечтанья погру-
жен,
И виснут надо мной полунагие су-
чья,
А мысли между тем слагаются в
созвучья,
Свободные слова теснятся в мер-
ный строй,
И на душе легко, и сладостно, и

*странно,
И тихо все кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит
благоуханный.*

1858

* * *

*Ты знаешь, я люблю там, за лазурным сводом,
Ряд жизней мысленно отыскивать иных
И, путь свершая мой, с улыбкой мимоходом
Смотрю на прах забот и горестей земных.*

*Зачем же сердце так сжимается невольно,
Когда твой встречу взор, и так тебя мне жаль,
И каждая твоя мгновенная печаль
В душе моей звучит так долго и так больно?*

1858

* * *

Замолкнул гром, шуметь гроза
устала,
Светлеют небеса;
Меж черных туч приветно засия-
ла
Лазури полоса.

Еще дрожат цветы, полны водою
И пылью золотой,
О не топчи их с новою враждою
Презрительной пятой.

1858

* * *

Змея, что по скалам влечешь свои
извивы
И между трав скользишь, обма-
нывая взор,
Помедли, дай списать чешуйча-
тый узор:
Хочу для девы я холодной и краси-
вой
Счеканить по тебе причудливый
убор.

Пускай, когда она, скользя зарей
вечерней,
К сопернику тайком счастливому

пойдет,
Пускай блестит, как ты, и в золоте
и в черни,
И пестрый твой в траве напоминает
ход!

1858

* * *

Ты жертва жизненных тревог,
И нет в тебе сопротивленья,
Ты, как оторванный листок,
Плывешь без воли по теченью;

Ты как на жниве сизый дым:
Откуда ветер ни повеет,
Он только стелется пред ним
И к облакам бежать не смеет;

Ты словно яблони цветы,
Когда их снег покрыл тяжелый:
Стряхнуть тоску не можешь ты,
И жизнь тебя погнула долу;

Ты как лощинка в вешний день:
Когда весь мир благоухает,
Соседних гор ложится тень
И ей одной цвести мешает;

*И как с вершин бежит в нее
Снегов растаявшая гряда,
Так в сердце бедное твое
Стекает горе отовсюду!*

1858

* * *

*Бывают дни, когда злой дух меня
тревожит
И шепчет на ухо неясные слова,
И к небу вознестись душа моя не
может,
И отягченная склоняется глава.*

*И он, не ведая ни радости, ни ве-
ры,
В меня вдыхает злость – к кому,
не знаю сам —
И лживым зеркалом могучие раз-
меры
Лукаво придает ничтожным ме-
лочам.*

*В кругу моих друзей со мной си-
дит он рядом,
Веселость им у нас надолго отня-
та,
И сердце он мое напитывает*

ядом
И речи горькие влагает мне в
уста.

И все, что есть во мне порочного
и злого,
Клубится и растет все гуще и
мрачней
И застилает тьмой сиянье дня
родного,
И неба синеву, и золото полей,
В пустыню грустную и в ночь пре-
образуя
Все то, что я люблю, чем верю и
живу я.

1858

* * *

С тех пор как я один, с тех пор
как ты далёко,
В тревожном полусне когда забудь
я,
Светлей моей души недремлющее
око
И близость явственней духовная
твоя.

Сестра моей души! С улыбкою

участья
Твой тихий кроткий лик склоня-
ется ко мне,
И я, исполненный мучительного
счастья,
Любящий чую взор в тревожном
полусне.

О, если в этот час ты также им
объята,
Мы думою, скажи, проникнуты ль
одной?
И видится ль тебе туманный об-
раз брата,
С улыбкой грустной склоненный
над тобой?

1858

* * *

Слеза дрожит в твоём ревнивом
взоре,
О, не грусти, ты все мне дорога,
Но я любить могу лишь на про-
сторе,
Мою любовь, широкую как море,

Вместить не могут жизни бере-
га.

Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озари-
ла,

И лишь на землю к нам ее свети-
ла
Нисходят порознь редкие лучи.
И порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красо-
ты;

Нам вестью лес о ней шумит от-
радной,
О ней поток гремит струею хлад-
ной
И говорят, качаяся, цветы.
И любим мы любовью раздроб-
ленной

И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас скло-
ненный,
И звездный блеск, и все красы все-
ленной,
И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,

*Пожди еще, неволя недолга —
В одну любовь мы все сольемся
вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега!*

1858

* * *

*Я вас узнал, святые убежденья,
Вы спутники моих минувших
дней,
Когда, за беглой не гоняясь те-
нью,
И думал я и чувствовал верней,
И юною душою ясно видел
Всё, что любил, и всё, что ненави-
дел!*

*Средь мира лжи, средь мира мне
чужого,
Не навсегда моя остыла кровь;
Пришла пора, и вы воскресли сно-
ва,
Мой прежний гнев и прежняя лю-
бовь!
Рассеялся туман и, слава богу,
Я выхожу на старую дорогу!*

*По-прежнему сияет правды сила,
Ее сомненья боле не затмят;
Неровный круг планета соверши-
ла
И к солнцу снова катится назад,
Зима прошла, природа зеленеет,
Луга цветут, весной душистой ве-
ет!*

1858

* * *

*О, не спеши туда, где жизнь свет-
лей и чище
Среди миров иных;
Помедли здесь со мной, на этом
пепелище
Твоих надежд земных!
От праха отрешась, не удержатъ
полета
В неведомую даль!
Кто будет в той стране, о друг,
твоя забота
И кто твоя печаль?
В тревоге бытия, в безбрежном
кольханье
Без цели и следа,
Кто в жизни будет мне и ра-
дость, и дыханье,*

*И яркая звезда?
Слиясь в одну любовь, мы цепи
бесконечной
Единое звено,
И выше восходить в сиянье правды
вечной
Нам врозь не суждено!*

1858

МАДОННА РАФАЭЛЯ

*Склоняся к юному Христу,
Его Мария осенила;
Любовь небесная затмила
Ее земною красоту.*

*А он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед – и ясным оком
Голгофу видит пред собой.*

1858

* * *

*Дробится, и плещет, и брызжет
волна
Мне в очи соленою влагой;
Недвижно на камне сижусь я – пол-
на
Душа безотчетной отвагой.*

Валы за валами, прибой и отбой,
И пена их гребни покрыла;
О море, кого же мне вызвать на
бой,
Изведать воскресшие силы?

Почуяло сердце, что жизнь хоро-
ша,
Вы, волны, размыкали горе,
От грома и плеска проснулась ду-
ша,
Сродни ей шумящее море!

1858

* * *

Не пенится море, не плещет вол-
на,
Деревья листьями не двинут,
На глади прозрачной царит ти-
шина,
Как в зеркале мир опрокинут.

Сижу я на камне, висят облака
Недвижные в синем просторе;
Душа безмятежна, душа глубока,
Сродни ей спокойное море.

1858

* * *

Не брани меня, мой друг,
Гнев твой выразится худо,
Он мне только нежит слух,
Я слова ловить лишь буду,
Как они польются вдруг,
Так посыпятся, что чудо, —
Точно падает жемчуг
На серебряное блюдо!

1858

* * *

Я задремал, главу понуря,
И прежних сил не узнаю:
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою.

Как глас упрёка, надо мною
Свой гром призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя,
И прах бездействия смети.

Да вспряну я, тобой подъятый,
И, вняв карающим словам,
Как камень от удара млата,
Огонь таившийся издам!

1858

Горними тихо летела душа небесами,
Грустные долу она опускала ресницы;
Слезы, в пространство от них
упадая звездами,
Светлой и длинной вилися за ней
вереницей.

Встречные тихо ее вопрошали
светила:
«Что ты грустна? и о чем эти
слезы во взоре?»
Им отвечала она: «Я земли не забыла,
Много оставила там я страданья
и горя.

Здесь я лишь ликам блаженства
и радости внемлю,
Праведных души не знают ни
скорби, ни злобы —
О, отпусти меня снова, Создатель,
на землю,
Было б о ком пожалеть и утешить
кого бы!»

Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь, —
Не верь себе! Сама того не зная,
Ты любишь в нем лишь первую
любовь;

Ты не его в нем видишь совершен-
ства
И не собой привлечь тебя он
мог —
Лишь тайных дум, мучений и бла-
женства
Он для тебя отысканный пред-
лог;

То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Все, что к нему случайно подой-
дет.

Вырастает дума, словно дерево.
Вроет в сердце корни глубокие,

*По поднебесью ветвями раски-
нется,
Задрожит, зашумит тучей ли-
стиев.*

*Сердце знает ту думу крепкую,
Что оно взрастило, взлелеяло,
Разум сможет ту думу окинуть,
Сможет слово ту думу выска-
зать.*

*А какая то другая думушка,
Что ни высказать, ни вымерить,
Ни обнять умом, ни окинуть?
Промелькнет она без образа,*

*Вспыхнет дальнею зарницею,
Озарит на миг душу темную,
Много вспомнится забытого,
Много смутного, непонятного
В миг тот ясно сердцу скажется;*

*А рванешься за ней, погонишься —
Только очи ее и видели,
Только сердце ее и чуяло!*

*Не поймать на лету ветра буйно-
го,*

*Тень от облака летучего
Не прибить гвоздем ко сырой зем-
ле.*

1858

* * *

*Тебя так любят все! Один твой
тихий вид
Всех делает добрей и с жизнью
мирит.
Но ты грустна; в тебе есть скры-
тое мученье.
В душе твоей звучит какой-то
приговор;
Зачем твой ласковый всегда так
робок взор
И очи грустные так молят о про-
щенье,
Как будто солнца свет, и вешние
цветы,
И тень в полдневный зной, и ше-
пот по дубравам,
И даже воздух тот, которым ды-
шишь ты,
Все кажется тебе стяжанием
неправым?*

* * *

Хорошо, братцы, тому на свете
жить,
У кого в голове добра не много
есть,
А сидит там одно-одинешенько,
А и сидит оно крепко-накрепко,
Словно гвоздь обухом вколочен-
ный.

И глядит уж он на свое добро,
Все глядит на него, не спуская
глаз,
И не смотрит по сторонешкам,
А знай прет вперед, напролом
идет,
Давит встречного-поперечного.

А беда тому, братцы, на свете
жить,
Кому Бог дал очи зоркие,
Кому видеть дал во все стороны,
И те очи у него разбегаются;
И кажись, хорошо, а лучше есть,
А и худо, кажись, не без доброго!

И дойдет он до распутьица,
Не одну видит в поле дороженьку,
И он станет, призадумается,

*И пойдет вперед, воротится,
Начинает идти сызнова,
А дорогою-то засмотрится
На луга, на леса зеленые,
Залюбуется на божьи цветики
И заслушается вольных пташе-
чек.*

*И все люди его корят, бранят:
«Ишь идет, мол, озирается!
Ишь стоит, мол, призадумался!
Ему б мерить всё да взвешивать,
На все боки бы поворачивать!*

*Не бывать ему воеводою.
Не бывать ему посадником,
Думным дьяком не бывать ему,
Ни торговым делом не правити!»*

1858

* * *

*Кабы знала я, кабы ведала,
Не смотрела бы из окошечка
Я на молодца разудалого,
Как он ехал по нашей улице,
Набекрень заломивши мурмолку,
Как лихого коня буланого,
Звонкононого, долгогривого,*

Супротив окон на дыбы вздымал!

*Кабы знала я, кабы ведала,
Для него бы я не рядилася,
С золотой каймой ленту алую
В косу длинную не вплетала бы,
Рано до свету не вставала бы,
За околицу не спешила бы,
В росе ноженьки не мочила бы,
На проселок тот не глядела бы,
Не проедет ли тем проселком он,
На руке держа пестра сокола!*

*Кабы знала я, кабы ведала,
Не сидела бы поздно вечером,
Пригорюнившись, на завалине,
На завалине, близ колодезя,
Поджидаячи да гадаючи,
Не придет ли он, ненаглядный
мой,
Напоить коня студеной водой!*

1858

* * *

*К твоим, царица, я ногам,
Несу и радость и печали,
Мечты, что сердце волновали,
Веселье с грустью пополам.*

Припомни день, когда ты, долу
Склоняясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душой;

Я мыслил, песни те слагая:
Они неведомо замрут —
Но ты дала им, о благая,
Свою защиту и приют.

Встречай же в солнце и в лазури,
Царица, радостные дни,
И нас, певцов, в годину бури
В своих молитвах помяни!

1858

* * *

Нет, уж не ведать мне, братцы,
ни сна, ни покою!
С жизнью бороться приходится, с
бабой-ягою.
Старая крепко меня за бока ухва-
тила,
Сломится, так и гляжу, молодец-
кая сила.

Пусть бы хоть молча, а то ведь
накинулась с бранью,

Слух утомляет мне, сплетница,
всякою дрянью.
Ох, насолили мне дразги и мелочи
эти!

Баба, постой, погоди, не одна ты
на свете:
Сила и воля нужны мне для боя
инога —
После, пожалуй, с тобою мы схва-
тимся снова!

1859

* * *

Сижу да гляжу я всё, братцы, вон
в эту сторонку,
Где катятся волны, одна за дру-
гой вперегонку.
Волна погоняет волну среди бур-
ного моря,
Что день, то за горем все новое
валится горе.

Сижу я и думаю: что мне ту-
жить за охота,
Коль завтра прогонит заботу
другая забота?
Ведь надобно ж место все новым

да новым кручинам,
Так что же тужить, коли клин
выбивается клином?

1859

* * *

Есть много звуков в сердца глуби-
не,
Неясных дум, непетых песней
много;
Но заглушает вечно их во мне
Забот немолчных скучная трево-
га.

Тяжел ее непрошенный напор,
Издавна сердце с жизнью боро-
лось —
Но жизнь шумит, как вихорь ло-
мит бор,
Как ропот струй, так шепчет
сердца голос!

1859

* * *

К страданиям чужим ты горе-
сти полна,
И скорбь ничья тебя не проходила
мимо;

К себе лишь ты одной всегда
неумолима,
Всегда безжалостна и вечно хо-
лодна!

Но если б видеть ты любящую ду-
шою
Могла со стороны хоть раз свою
печаль —
О, как самой себя тебе бы стало
жаль
И как бы плакала ты грустно над
собою!

1859

* * *

О, если б ты могла хоть на еди-
ный миг
Забуть свою печаль, забыть свои
невзгоды!
О, если бы хоть раз я твой увидел
лик,
Каким я знал его в счастливей-
шие годы!

Когда в твоих глазах засветится
слеза,
О, если б эта грусть могла прой-

ти порывом,
Как в теплую весну пролётная
гроза,
Как тень от облаков, бегущая по
нивам!

1859

* * *

Нас не преследовала злоба,
Не от вражды иль клеветы —
От наших дум ушли мы оба,
Бежали вместе, я и ты.

Зачем же прежний глас упрека
Опять твердит тебе одно?
Опять пытающее око
Во глубь души устремлено?

Смотри: наш день восходит чи-
сто,
Ночной рассеялся туман,
Играя далью золотистой,
Нас манит жизни океан,

Уже надутое ветрило
Наш челн уносит в новый край...
Не сожалей о том, что было,
И взор обратно не кидай!

Исполать тебе, жизнь – баба старая,
Привередница крикливая,
Что ты, лаючись, накликнулась,
Растолкала в бока добра молодца,
Растрепала его думы тяжкие!
Что ты сердца голос горестный
Заглушила бранью крупною!
Да не голос один заглушила ты —
Заглушила ты тот гуслирный
звон,
Заглушила песни многие,
Что в том голосе раздавались,
Затоптала все божьи цветики,
Что сквозь горести пробивались!
Пропадай же, жизнь – баба старая!
Дай разлиться мне по поднебесью,
Разлететься душой свободною,
Песней вольною, бесконечною!

И. С. АКСАКОВУ

Судя меня довольно строго,

*В моих стихах находишь ты,
Что в них торжественности
много
И слишком мало простоты.*

*Так. В беспредельное влекома,
Душа незримый чует мир,
И я не раз под голос грома,
Быть может, строил мой псал-
тырь.*

*Но я не чужд и здешней жизни.
Служа таинственной отчизне,
Я и в пылу душевных сил
О том, что близко, не забыл.*

*Поверь, и мне мила природа,
И быт родного нам народа —
Его стремленья я делю,
И всё земное я люблю,*

*Все ежедневные картины:
Поля, и села, и равнины,
И шум колеблемых лесов,
И звон косы в лугу росистом,*

*И пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков;*

*В степи чумацкие ночлеги,
И рек безбережный разлив,*

*И скрип кочующей телеги,
И вид волнующихся нив;
Люблю я тройку удалую,
И свист саней на всем бегу,*

*На славу кованную сбрую,
И золоченую дугу;
Люблю тот край, где зимы долги,
Но где весна так молода,*

*Где вниз по матушке по Волге
Идут бурлацкие суда;
И все мне дороги явленья,
Тобой описанные, друг,
Твои гражданские стремленья
И честной речи трезвый звук.*

*Но всё, что чисто и достойно,
Что на земле сложилось стройно,
Для человека то ужель,
В тревоге вечной мирозданья,
Есть грань высокого призванья
И окончательная цель?*

Нет, в каждом шорохе растенья
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!

Я в них иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа;

И что ее, всегда чаруя,
Зовет и манит вдалеке —
О том поведать не могу я
На ежедневном языке.

Январь 1859

* * *

Пусть тот, чья честь не без укора,
Страшится мнения людей;
Пусть ищет шаткой он опоры
В рукоплесканиях друзей!

Но кто в самом себе уверен,
Того хулы не потрясут —
Его глагол нелицемерен,
Ему чужой не нужен суд.

Ни пред какой земною властью
Своей он мысли не таит,
Не льстит неправому пристра-
стью,
Вражде неправой не кадит;

Ни пред венчанными царями,
Ни пред судилищем молвы
Он не торгуется словами,
Не клонит рабски головы.

Друзьям в угодность, боязливо
Он никому не шлет укор;
Когда ж толпа несправедливо
Свой постановит приговор,

Один, не следуя за нею,
Пред тем, что чисто и светло,
Дерзает он, благоговая,
Склонить свободное чело!

Январь 1859

* * *

На нивы желтые нисходит тиши-
на;
В остывшем воздухе от меркну-
щих селений,
Дрожая, несется звон. Душа моя

полна
Разлукою с тобой и горьких сожа-
лений.

И каждый мой упрек я вспоминаю
вновь,
И каждое твержу приветливое
слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя
любовь,
Но что внутри себя я схоронил су-
рово!

1862

Примечания

Аюдаг – Медведь-гора.

[^^^]

Ю. А. Айхенвальд (1872 – 1928) – критик.

[^^^]